

Валентина Полянская

**Час ангела.
Роман о
странностях
любви**

Валентина Полянская

**Час ангела. Роман о
странностях любви**

«Автор»

2025

Полянская В.

Час ангела. Роман о странностях любви / В. Полянская —
«Автор», 2025

Чет — нечет, любит — не любит... Да и что такое любовь? А нелюбовь? Откуда они берутся и почему случается эта проклятая нелюбовь? — вечные вопросы, на которые ищет ответы героиня романа. Нина Глухарева — страстная, сильная, мятежная душа, вступившая в яростный спор с судьбой. «Я никогда не буду жалкой и одинокой!» — заявляет она себе. Нина до конца борется за свое счастье. Вот только кто победитель в той борьбе?

© Полянская В., 2025

© Автор, 2025

Содержание

Часть 1. От печали до радости	5
Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	12
Глава 4	18
Глава 5	19
Глава 6	23
Глава 7	27
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Валентина Полянская

Час ангела. Роман о странностях любви

Часть 1. От печали до радости

Глава 1

Двое суток в душном вагоне, бессонные ночи. Нина устала. Поезд тормозил почти на каждом полустанке. Гул голосов новых пассажиров, сумки, баулы. Бесперомонные яркие вспышки света в спящем купе. Всё это уже позади. Теперь скорее добраться до общежития университета и завалиться в кровать. Выспаться! Но сначала хоть немного освежиться, а то эти дорожные запахи... Девушка поморщилась, представив, какие ароматы она источает. Наверняка вагонный смрад пропитал её одежду, волосы. От приличных людей лучше держаться подальше.

Поезд подходил к Ленинграду. Мелькали пейзажи предместья. Солнца не было видно. Середина июля, а за окном – серое небо, низкие тучи. А потом и вовсе посыпался дождь. Тяжёлые капли били в стекло, стекали вниз, оставляя после себя грязные полосы. Унылая картина. Сердце Нины невольно сжалось: как ни бодрись, а тоска по дому – тут как тут.

В том, что поступит в университет, девушка не сомневалась. Золотая медаль выпускницы Севастопольской средней школы номер двадцать четыре позволяла надеяться на успешную сдачу вступительных экзаменов.

Угораздило же её так набить чемодан учебниками! Он был неподъёмным. Девушка остановилась отдохнуть на ступенях лестницы, ведущей в подвал студенческого общежития. Где-то там внизу обитала кастелянша. Взять матрац, постельное белье, умыться и растянуться на кровати. Блаженство!

– Вам помочь? – раздался за спиной Нины весьма приятный мужской голос.

Владелец голоса был ему под стать: высокий, сероглазый, плечистый. Открытое, простое лицо, русые непослушные волосы. Молодой человек был в военной форме, ладно сидевшей на крепкой фигуре. На плечах лычки – то ли сержант, то ли старший сержант – в воинских знаках различия Нина была не сильна. Не дожидаясь согласия девушки, военный, скорее всего, уже бывший, перехватил у неё ручку чемодана.

– Андрей Романовский, – представился молодой человек.

– Нина. Глухарева.

– Вы куда поступаете?

– На химбиофак.

– Надо же! – обрадованно расплылся в улыбке новый знакомый Нины. – Я тоже! Вот демобилизовался, решил сразу поступать, пока льготы есть для отслуживших.

– А я после школы, – как ни старалась сдержаться девушка, всё же расцвела ответной улыбкой.

– Вы-то мне и нужны! – решительно сказал Романовский, ободренный этой улыбкой. – Может, возьмёте на буксир? А то я порядком всё подзабыл.

– Заходите, – легко согласилась Нина. – Я буду жить в пятьдесят седьмой комнате.

Так вот для чего, вернее, для кого, тащила Нина учебники!

– Андрей, а Вы уверены, что правильно выбрали факультет? – осторожно спросила Нина на первом занятии.

– Хотите сказать, что я ноль? Слушай, Нин, давай на «ты», надоело выкать. А выбор у меня прост: в математике и физике я не просто ноль, а твердый минус, и там мне точно ничего

не светит. А здесь... Биологию можно просто выучить, с химией придётся попотеть, но ведь ты мне поможешь? Для поступления мне достаточно сдать всё на тройки.

– Так вы с ребятами поэтому ходите в военной форме, чтоб сразу было понятно, что вы льготники?

– Догадливая, – усмехнулся Романовский.

Первый курс пролетел, как захватывающий фильм в кинотеатре: вроде только начался, а – раз – и кончился. Дни мчались сами по себе, исчезали за поворотом и обратно не возвращались. Массу времени у Нины Глухаревой отнимали занятия с Андреем. Голова к голове, просиживали они вдвоём в холле общежития до полуночи. Сначала шпарили по шпалам школьной программы химии и биологии, потом догоняли поезд университетского курса...

* * *

Нина почти закончила контрольную работу, когда в комнату вошла её однокурсница, соседка по комнате Таня Симонова.

– Опять готовишься к семинару – за себя и «за того парня»¹? Нин, тебе не надоело? Думаешь, оценит?

Нина с удивлением посмотрела на подругу:

– Ты о чем?

– Как будто не знаешь! – фыркнула Таня. – Ты же влюблена в Романовского, вот и стараешься.

– Ты так думаешь? – спокойно спросила Нина, стараясь не показать подруге, что разговор этот ей неприятен; неприятно было чувство стыда и досады – как будто её поймали врасплох, уличили в чём-то неприглядном, в том, что она старательно от всех скрывала. Вот только нечего Нине скрывать!

– А ради чего тогда такие жертвы? Вы с ним как сиамские близнецы, неразлучны.

– И что, бросить его, не помогать?

– Я бы бросила.

– Так его выгонят.

– А тебе какое до этого дело?

– Жалко. Да и времени на него столько ухлопала.

– Мой тебе совет: помогла и хватит. Он же просто использует тебя.

Нине всегда нравилась прямога подруги. Таня, не стесняясь, умела лепить правду – прямо в лоб. И теперь хочет залепить этой правдой в её лоб?

– Мы с Андреем друзья.

– Ой! Держите меня семеро! Друзья! Ты такая наивная? Думаешь, у него никого нет?

– Опять загадками говоришь, – Нина из последних сил держала оборону, страшась услышать то, что хотела сказать Татьяна. Но Таню уже несло:

– Романовский же по ночам дежурит в детском саду? А сменщиком у него Толик со второго курса? Так вот у них там хоровод из девок – нянечки, воспиталки.

Нина не ожидала, что её так больно заденут слова подруги. Заденут и рассердят. Кто ей позволил лезть Нине в душу?

– Ты просто завидуешь, – ледяным тоном ответила она.

– Кому? Тебе? Дуракам не завидуют, – в конец обозлилась Таня. – Ладно, я в столовую.

¹ За себя и за того парня (разг.) Шутл. – ирон. О вынужденной работе за других. Из песни М. Фрадкина на стихи Р. Рождественского «Минута молчания» (1971 г.). Большой словарь русских поговорок. – М: Олма Медиа Групп В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина 2007. Здесь и далее примечания автора.

Нина осталась одна. Неужели Татьяна права? Нина до сих пор, до этого разговора, особо и не задумывалась о чувствах к Романовскому. Какие чувства? Они с Андреем однокурсники, друзья. И связывает их только учёба да общежитие. Почему же тогда она так взбеленилась от слов Татьяны и почему всякий раз радуется, как ребёнок, когда видит Романовского? Все разговоры и мысли – когда он придёт, какие задания сделал, какие нет. Возможно, это привычка? Быть всегда рядом – на занятиях, в общежитии.

А кроме этого – что?

– Кроме этого – ничего, а ей больше и не надо.

–И не задевает равнодушие? То, что Андрей не видит в тебе девушку?

– Почему не видит? Еще как видит! Всегда оценит и новое платье, и причёску. Ведь и косы стала носить лишь потому, что они нравились Андрюше. И он всегда прислушивается к её советам, какую рубашку надеть.

–И куда он ходит в нарядной рубашке? К кому? Что ты знаешь о Романовском? Таня права: ничего ты не знаешь. Опять будешь прятаться за слова «мы друзья»? Какая-то односторонняя дружба.

– Неважно, главное, чтоб она была.

–Вот ты и выдала себя! На все согласна, только чтобы Романовский был рядом!

– Это плохо?

–Это не плохо, это ужасно.

Глава 2

Андрей заметил перемену в настроении Нины. В тот день было удивительно прозрачное, светлое утро. Привычная ленинградская хмарь растворилась в лучах майского солнца, по свинцовым волнам Невы побежали блики солнечных зайчиков. Деревья наконец-то прорвались сквозь серость, воспрянули, расправили зеленые юбки, словно говоря: мы готовы к лету! А до лета, действительно, рукой подать. Скоро зачётная неделя, а в июне – экзамены.

Их курс слушал последнюю в этом семестре лекцию по органике². Глухарёва сидела в аудитории не с Романовским, а с Таней. Он махнул ей рукой, зазывая к себе, но Нина сделала вид, что не заметила.

Почему у неё сейчас при виде стриженного затылка Андрея так щемит сердце? Значит, Таня права? Она действительно влюблена в Романовского? Что же делать?

Андрей почувствовал Нинин взгляд, обернулся, встретился с ней глазами и улыбнулся. Нина продолжала напряженно смотреть, не реагируя на улыбку.

Романовский подошел к ней после занятий:

– Нинель, ты чего это сегодня от меня убежала? Секретничала с Татьяной?

Нина не ответила. Андрей внимательно, дружески-участливо посмотрел на неё:

– Ты какая-то странная. Случилось что?

– Нет.

– А, тогда давай в четыре часа в холле пересечёмся, мне курсовик нужно добить, – с явным облегчением сказал Романовский.

Андрей был в хорошем настроении: контрольные и лабораторные все сданы, с курсовой работой тоже порядок, можно смело входить в сессию. Он уже собирался покинуть холл, но Нина остановила:

– Андрей, ты вечером что сегодня делаешь?

Романовский удивился: таких вопросов подружка ему ещё не задавала.

– Дежуришь? Или опять на станцию вагоны разгружать?

– Да нет, сегодня не собирался.

– Вот и отлично! Пойдём в парк на танцы!

Андрей смеялся: за этот год между ним и Глухарёвой сложились прекрасные товарищеские отношения, Нина частенько помогает ему с учёбой, за что Андрей ей благодарен, они сокурсники, друзья... Чего Нине не хватает? И с чего вдруг? Через год? И тут его окликнул третьекурсник Степанов:

– Романыч, ты не забыл, что мы в семь часов в пивнушке встречаемся?

– Ну, если у тебя другие планы... – Нина обиженно закусил губу.

– Нет-нет, – поспешно сказал Андрей, – я свободен. Конечно, пойдём!

Девушка просияла:

– Тогда я побежала собираться!

Нина уже забыла о вчерашней размолвке с Татьяной. Какие обиды, если у неё свидание! С Андреем!

– Танюша! Где мои янтарные бусы с клипсами? Ты их брала позавчера.

– А тебе зачем? – оторвалась Татьяна от учебника.

– На танцы иду! С Андреем!

Таня удивлённо вздёрнула брови:

– Сломался, значит, Романыч...

И с привычным для неё напором посоветовала:

² Органическая химия

– Вот теперь намотай его хвост себе на кулак и держи, не выпускай. Побегал и будя. А то изотрётся по чужим подушкам, к тридцати годам один обмылок останется. Они ж, дураки, не понимают, что вместе с телом изнашивается и душа. Потом такой ловелас-потаскун и полюбить-то никого не сможет. Растаскает-раскидает один по одному угольки из своего костра, чему там гореть? И сам уже пустой, как барабан. Ни силы в нём, ни ума. Вроде и воздухарится порой, вспыхнут на миг остатние головёшки – и всё. Пепелище. Так до старости и скачет, порепанный³, никому не нужный и жалкий.

В чём-чём, а в этом Татьяне точно не откажешь: умеет со своим вологодским деревенским здравомыслием расставить всё по местам. Но Нина не хотела слушать никаких наставлений.

– Ты долго ещё мне лекцию читать будешь? Подскажи лучше, какое платье надеть!

– Конечно, белое! – не раздумывая, ответила Таня. – Ты в нём как Царевна-лебедь. Это ж сколько кровей нужно намешать, чтоб такую красоту создать! – с лёгкой завистью, по-крестьянски, по-бабьи восхищённо покачивая головой, сказала не очень ладно скроенная, но по-деревенски крепко сшитая Татьяна. – У тебя только греческие и казацкие корни?

– И ещё грузинские. Папина мама грузинка.

– Так ты у нас царица Тамара! То-то я смотрю: откуда такая стать? И имя.

– Где ты этих премудростей набралась, – спросила Нина подругу, глядя платье. – Как старая бабка, всё знаешь.

Таня рассмеялась:

– Э, у нас, в деревне, не то, что у вас, городских, дверей не закрывают, чтоб дети ничего не слышали.

И продолжила уже серьёзно:

– Мама рассказывала, как её бабушка наставляла: не гоняйся за баскими⁴ парнями, наплачешься.

Но Нине было не до здравомыслия, она никак не могла совладать с радостью, её как будто что-то приподнимало и несло – вопреки всем законам тяготения, лицо расплывалось в безудержной улыбке, с губ срывались слова весёлой песенки, в такт мелодии двигались плечи, а ногам отчаянно хотелось пуститься в пляс.

Вечер выдался таким же ласковым и ясным, как утро. На небе – ни облачка, тихо, тепло.

– Слушай, а ведь я первый раз гуляю здесь по парку, – с удивлением, как будто совершил открытие, сказал Романовский. – Да ещё в обществе красивой девушки. Вон как на тебя все смотрят!

Нина зарделась. Андрей улыбнулся: какая же она ещё девчонка! Совсем как его сестра. В глубине парка заиграл оркестр, и девушка нетерпеливо позвала:

– Пойдём!

На площадке перед оркестром клубился народ, центр заняли танцующие пары. Романовский подхватил Нину под локоть, вывел на середину, уверенно обнял в танце. Сердце девушки стучало, глаза горели, необыкновенная, настоящая близость Андрея кружила голову. Как всё замечательно вокруг! И себе Нина тоже нравилась. Ей так ловко и удобно было в своём теле. Белое платье сидело отлично, красный лакированный пояс и коралловые бусы дополняли праздничный ансамбль, созвучный настроению девушки. Она чувствовала себя взрослой и уверенной. И счастливой! Это было настоящее свидание!

Всё испортили две подвыпившие девчонки.

– Андрюха! Ты как здесь? – окликнула одна из них Романовского.

– Ого! Ты с барышней! – насмешливо добавила другая. – Знакомь!

³ Разг. Здесь – потрёпанный

⁴ Диал. Баский – красивый, нарядный.

– Знакомься, Нина. Это Людмила и Ирина. Они работают в детском саду, где я дежурю. Так Таня говорила правду! Вот с кем Андрей проводит время! Нину больно уколола ревность.

– Ладно, пошли танцевать, пусть барышня отдохнёт, – сказала Людмила и потащила Романовского в круг.

Нина растерялась. Такая наглость... Девушка круто развернулась и пошла к выходу.

– Нина, Нина, постой! – услышала она голос Андрея за спиной.

Романовский догнал её, положил руку на плечо:

– Не обижайся. Пойдём посидим где-нибудь. Вон свободная скамейка.

Нина пыталась успокоиться. Её душила злость: такой вечер испортили эти мымыры!

– Смотри, какая луна! – поднял Андрей голову. – Яркая, оранжевая. Давно такой не видел.

– А тебе не кажется, что рожа у неё бандитская? Смотрит на нас, ухмыляется, – не смогла Нина справиться с раздражением, злость по-прежнему бушевала в ней.

Андрей с удивлением глянул на Нину.

– Первый раз такое слышу от девушки.

– И скольких девушек ты... «слышал»?

«Девчонка-то – огонь! Ревнует! – усмехнулся про себя Романовский. – А казалась такой холодной, мраморной. Вот тебе и мрамор. Ничего, остынет, успокоится. И найдёт себе другого героя романа».

– Обычно луной любят и восхищаются, – уклончиво ответил он.

– У Луны два лица. Слышал о двуликом Янусе? Вот так и Луна. Считается, что видимый её лик несёт людям радость, надежду, любовь. А второй? Невидимый? По логике он должен быть ужасен. И чем прекраснее видимая часть, тем страшнее должна быть её оборотная сторона.

– Заглянуть бы, – мечтательно произнёс Андрей.

– Ты что! Туда нельзя!

– Почему?

– Потому что там живут Чёрные Ангелы наших душ.

Андрей с нескрываемым любопытством взглянул на девушку:

– А я думал, что Ангелы бывают только белые.

– Белые – это Ангелы-Хранители. У каждого есть свой Хранитель. Мне бабушка в детстве говорила: «Вот он, твой Ангелок, на правом плечике сидит, береги и не огорчай его».

– Глухарёва, и ты в это веришь? – удивился Романовский.

– А ты веришь в марксизм-ленинизм? – мгновенно парировала Нина и тут же пожалела об излишней резкости своего ответа. Но Андрей, кажется, и не заметил этой резкости.

– Нинон, я думал, у нас свидание, а ты глушишь меня страшилками! – дурашливо произнёс он. И тут же сменил тон:

– Но, знаешь, мне интересно. Мне всегда с тобой интересно.

Как он это сказал! Нина замерла, потом осторожно повернула голову: не шутит? Андрей выглядел, как всегда. Ни волнения, ни смущения – ничего. Значит, врёт. А ей так хотелось, чтобы это было правдой!

Нина не смогла скрыть от подруги горечи разочарования. Таня всё поняла с полувзгляда.

– Нинок! Ну, что ты, в самом деле! – обычная грубоватая прямолинейность Татьяны сменялась на жалостливое деревенское сочувствие. – Посмотри на себя! Таких красивых девчонок – по-настоящему красивых, а не гидропериток⁵ раскрашенных – по пальцам пересчитать можно! По тебе ж пол-общаги вздыхает! А ты врезалась в Романовского. Придумала какую-

⁵ Гидроперитные блондинки – ненатуральные блондинки с обесцвеченными гидроперитом волосами.

то «дружбу». Да дурит он тебя! – опять распалилась Таня. – Ты просто рабочая лошадь, на которой он выезжает. Вот доберусь я до Андрюхи, прочищу ему мозги!

– Не смей! Слышишь!

– Да ладно, ладно, чего ты так переполошилась, аж побелела. Буду молчать в тряпочку. Хочешь тащить его – тащи. Но только шеей крути! Вон, пятикурсник, как его? Тихомиров? Он же глаз с тебя не сводит! Да если бы он хоть раз так посмотрел на меня...

– Вот и забирай его себе.

– Гляньте-ка! Никто ей не нужен! Ох, довыкобениваешься, подруга! Хороших парней быстро разбирают. Потом оглянешься – пустыня.

– Мне без Андрея всегда пустыня, – с тоской в голосе сказала Нина.

Ночь была беспокойной. Нина долго не могла заснуть, ворочалась с боку на бок: её тревожила луна; потом, наконец, девушка упала в забытие, балансируя между сном и явью. Откуда взялась эта женщина в монашеском плаще? Лицо закрыто капюшоном...

– Так, говоришь, у Луны два лика, две души? – спросила странная незнакомка.

– Да! Как я раньше не понимала! Две души! У человека две души! Как у Луны. Светлая и чёрная. А то без конца пишут и говорят: белая, тёмная сторона души. И вот эти противоположности утюжат друг друга, бьются за человека. То одна побеждает, то другая. Нет, – пишет другой. – Человеческая душа как она есть – компромисс между светом и тьмой. То есть оптимальный вариант – серая душа! В которой в меру и добра, и зла. Вот только ерунда всё это. Невозможно быть одновременно и добрым, и злым. Невозможно! Нельзя творить добрые дела, отпिनывая мрачность своей натуры и пытаясь сесть на неё сверху. Такая борьба будет поглощать все силы – ведь в душе есть только они, и только они дают жизнь, дают энергию. А тут плюс схватывается с минусом, они поглощают, обнуляют друг друга. Откуда же тогда человек берёт силы? Жить, творить, любить? Значит... у человека две души! Два лика! И когда светлая душа слабеет, её место занимает тёмная. И наоборот. Когда Белые Ангелы нас покидают, приходят Чёрные. А зло дается зачем?

– В защиту и в наказание. Злом человек наказывает самого себя.

– Только так?

Ответа Нина не услышала. Её дыхание стало глубоким и ровным. Девушка спала.

Глава 3

– Милка, ты что, до Калифорнии решила докопаться? – ворчала Таня на однокурсницу, Людмилу Красилицу. – Смотри, берёшь царапку⁶, раз, два, три – вот она, картоха, вся перед тобой. Собрала – дуй вперед, не рассиживайся, а то мы с тобой к следующей осени план сделаем. Ты что, у бабки в огороде никогда не была?

– Моя бабушка живёт в Одессе, и картошку мы покупали на Привозе, – оправдывалась Мила.

– Теперь понятно, почему ты такая кулёма⁷ косорукая.

– Тань, да оставь ты Людмилу в покое, – сжалилась над девушкой Нина.

– Тебе хорошо говорить, Андрей и за четверых норму вытянет. Мне бы такого помощника! Батюшки святы! – оглянулась Татьяна на шум подъехавшего грузовика, – вот она, подмога!

Из кузова машины на картофельное поле, где трудились студенты университета, горохом посыпались курсанты морского училища – явно не салаги: на рукавах нашивки с тремя шпалами, значит, третий курс.

– Товарищи! Прошу любить и жаловать! Принимайте доблестный военно-морской флот! – с пафосом обратился к студентам директор совхоза. Девчата, разбирайте помощников, не стесняйтесь!

Девичий глаз мигом раскидал будущих моряков по ранжиру: эти вот интересные, вон те – так-сяк, но ничего, сойдёт, а остальные – да кто на них позарится? Курсанты тоже быстро разобрались в девичьем статусе. Наглые и самоуверенные первыми кинулись на abordаж – покорять сердца самых симпатичных девчонок. И пяти минут не прошло, как всё было кончено, пары «девочка-мальчик» сложились – пока только для работы.

Нина трудилась с Андреем, поэтому в конкурсе красоты не участвовала. Никто из будущих мореходов так и не решился вклиниться между нею и Романовским. И началась эта весёлая катавасия. Нудный утомительный труд превратился в забаву. Время вместе с грядками отлетало незаметно и складывалось штабелями мешков с картошкой. Девчонки хихикали, строили курсантам глазки, те старались выглядеть сильными и умными, или хотя бы интересными. То и дело над полем раздавался хохот – кавалеры развлекали своих напарниц.

А это кто впереди планеты всей? Татьяна! И курсанта подобрала себе под стать: невысокого, крепкого. Вот метелят! Нашли друг друга – буран и выюга. И мешков уже понаставили!

– Дождалась Таня помощника, – усмехнулась Нина. – Небось, тоже деревенский.

– Так на чём мы остановились? – спросила она Андрея.

– Я рассказывал, как летом ездил в стройотряд.

– Да, если б я знала, что вы будете на Байкале, тоже поехала бы.

– Девчонкам в стройотрядах делать нечего. Тяжёлая и грязная работа.

– Но ведь были же там... девушки? – скосила Нина глаза на Романовского.

– Были. На кухне. Это не для тебя.

* * *

Глухарёва почувствовала, как кто-то двинул ей локтем в спину. Татьяна.

– Нин, – зашептала подружка, – просыпайся давай.

⁶ Царапка – приспособление из проволоки.

⁷ Кулёма – разг. Здесь – неумеха

Бывшая колхозная конюшня, отданная студентам университета под расселение, была освещена зыбким лунным светом. Девчонки, намаявшись за день, крепко спали молодым здоровым сном.

– Нинка, хватит дрыхнуть! – второй, нетерпеливый толчок в спину заставил Глухарёву открыть глаза.

– А который час, пора вставать? – спросонья ничего не поняла Нина.

Таня прыснула в ладошку:

– Окстись, половина двенадцатого ночи! Нас мальчишки ждут. Вася с приятелем гусака задавили, представляешь, лапша с гусятиной!

– Размечталась. Сама иди, спать хочу.

– Да ты что! Вкуснятина такая! Без тебя не пойду, – уперлась Таня.

– Ладно, ты ж всё равно не отстанешь, – сказала Нина, скидывая с себя одеяло: ночи стояли уже осенние, прохладные, без толстого одеяла никак. На улице после сравнительно тёплой конюшни – девчонки надышали – было зябко и сыро от выпавшей росы. Нина передёрнула плечами, пытаясь сбросить остатки сна, и прибавила шаг, стараясь не отставать от подруги.

За бывшим складом сена, на укрытой от посторонних глаз лужайке, весело трещал костёр, стреляя искрами, а в большом котле вовсю булькало и парило. Вокруг костра сутились человек пять курсантов. Одеты в одинаковые курсантские робы, они и двигались одинаково, в едином заданном ритме, как слаженный механизм, хотя каждый был занят своим делом: Василий – Нине знаком был только он – уверенно и с рассчитанной силой коротко тюкал топором по крупным веткам дерева, подкидывал обрубки в пасть огня, быстроглазый рыжеватый паренёк с не по возрасту густыми, клокастыми бровями и такими же непослушными вихрами снимал пену с гусяного варева, от которого уже шёл тягучий, умопомрачительный мясной запах; третий, коротконогий и плечистый, с высоким, широким лбом и квадратным подбородком, сосредоточенно и аккуратно резал хлеб на пеньке. Двух других Нина толком не успела рассмотреть: тот, что резал хлеб, поднял голову от пенька и спросил:

– Тань, а вы кружки не захватили?

– Вообще-то нас звали на гуся, а не на чай, – не очень любезно ответила Татьяна.

– Девочки, располагайтесь, присаживайтесь, – поспешил сгладить неловкое начало вечеринки Василий, кивая на толстое бревно у костра. – Сейчас всё будет! Серёга, наливай! –скомандовал он тому, что спрашивал про кружки. – Гарик, а ты пока отнеси хавчик Коляну, – продолжал распоряжаться Вася.

Таня довольно улыбнулась: не ошиблась она в выборе, Вася действительно толковый парень, деревенской закалки, и командир из него получится – вон как его все слушаются.

– А..., – хотел что-то спросить Гарик, невысокий ушастый паренёк, на вид лет семнадцати – таким тщедушным он выглядел.

Серёга, не дав Гарику договорить, протянул ему кружку. Рыжеволосый поварёнок, восхищённо причмокивая и прищёлкивая языком, наполнил до краёв гусяным супом алюминиевую миску:

– Неси!

– Ты что! – возмутился Гарик, – она ж горячая! Ставь в кусты, потом отнесу.

Прихватив пару кусков хлеба, Гарик исчез в темноте.

– Куда это он? – вполголоса спросила Нина у Татьяны.

– Да это Коляну, он на шухере стоит, маякнёт, если что, – ответил за Таню Василий. – Так, всё! Начинаем! Витёк, садись!

Не успел Вася договорить, как рядом с Ниной приземлился поварёнок, потом, повинувшись выразительному взгляду Серёги, отодвинулся от девушки, уступая ему место.

– Леди фёст! – передал им Серёга две кружки.

– Что это? – осторожно понюхала Нина.

– Пей, не спрашивай. Отхлебни глоток да передай! – начала терять терпение Таня.
– Это ж водка!
– Я тебя умоляю. Послал Бог подружку недоделанную. Пей!
Водка горячим комом упала в желудок, растеклась теплом по телу.
– А хорошо! И голова ясная, – удивилась Нина.
– Держи ложку. Давай ешь, – подала Таня Глухаревой алюминиевую миску. – Это нам на двоих.
– Правда вкусно! – не удержалась Нина.
– Ещё бы. Это ж гусь! Царская еда.
– Серёга, наливай по второй, под горячее, – скомандовал Василий.
– Ты будешь? – на всякий случай поинтересовалась у Нины Таня.
– Буду!
– О! Наш человек! – засмеялся Серёга.
Водка имеет волшебное свойство: от неё душа разворачивается во всю ширь и сворачиваться никак не хочет.
– Витёк! Давай гитару, сбавай что-нибудь, – угадал общее настроение Серёга.
Витёк начал с весёлой песенки:

Железный шлем, деревянный костыль,
Король с войны возвращался домой.
Солдаты пели, глотая пыль,
И пел с ними вместе король хромой.

И разогретые слушатели, от всей развёрнутой души, заголосили припев:

Тарьям-тарьяри-там-тарам, тарьям-тарьяри-татарам,
Тарьям-тарьяри-там-тарам – трам-пам-пам.
Румба-пумба, пумба-пумба,
Румба-пумба, пумба-пумба.⁸

Но развёрнутая душа требовала не только веселья, но и романтики:

На пирсе тихо в час ночной,
Тебе известно лишь одной,
Когда усталая подлодка
Из глубины идёт домой.⁹

– Тише! – прервал дружный хор Василий. – Колян свистит. Комвзвода с замполитом из деревни возвращаются.
– Это чё, с ночного политзанятия что ли? – пошутила Таня.
Но курсантам было не до шуток.
– Полундра! Туши костер! Все по местам!
– Нинка! Снимаемся с якоря! Бежим! – продолжала Таня веселить подружку. – Да тихо ты, не смейся так, всю конюшню разбудишь. Потом наших кобылиц до зари не уконтрапу-пишь¹⁰.

⁸ «Хромой король» – песня Александра Дулова на стихотворение Мориса Карема.

⁹ Песня «Усталая подлодка». Музыка А. Пахмутовой, стихи Н. Добронравова.

¹⁰ Жаргонное. Здесь – не успокоишь, не утихомиришь.

Утренняя линейка, на которой обычно подводились итоги прошедшего дня, началась не с похвал передовикам и намыливания шей лодырям, а с разборок. Комсорг курса Саша Перов пылал праведным гневом:

– Этой ночью случилось...

– Страшное! – вставила словечко Таня, округлив глаза.

Студенты захихикали.

– Симонова! Не страшное, а позорное! Кто-то украл и съел гусака.

– Убийство?! – продолжала скоморошничать Татьяна. – И ты, Перов, говоришь – не страшное? Подлое убийство бедного несчастного гусика!

Курс уже грохотал.

– Не вижу ничего смешного! – попытался укоротить смешливых Перов. – Нам доверили ответственное дело. И мы, представители городской интеллигенции...

Теперь начнёт нудить о смычке города с деревней. Всё в порядке – занудил. А сейчас – совесть... комсомол... Ага, добрался, наконец, до морального облика строителя коммунизма. Пора заканчивать.

– В воспитательных целях необходимо наказать виновных. Кто это сделал?

Студенты молчали. Он что, дураков ищет?

– Да это не мы! – брякнула простодушная Мила и покосилась на Нину с Таней:

– Девчонки, а куда вы ночью хо... – увесистый Танин тумак в бок заставил Людмилу прикусить язык.

Хорошо, что Перов не услышал её последних слов. Подружки вздохнули с облегчением: обошлось. Но съеденный гусак сильно подмочил репутацию городских. Селяне провожали студентов хмурыми взглядами, что-то бурчали себе под нос. Не получилось смычки с деревней.

* * *

Появление в их общежитии Василия Стрельцова, Татьяниного ухажера, всегда было ожидаемо и сильно одобряемо, потому что Вася редко приходил один. Субботними вечерами крепкий мужской дух заполнял всё пространство комнаты, заставляя блестеть девичьи глаза, из бездонного курсантского портфеля выпрыгивали на стол бутылки вина с иностранными наклейками, дополняя съедобный натюрморт.

Вино румянило девчонкам щеки, вынуждало их смеяться и кокетничать. Юные тела скоро начинали требовать движения, энергия била через край, и под забористый твист жалобно скрипел и ухал издававший виды деревянный пол. Вечер заканчивался в полутьме романтическими танго.

Нина старательно пыталась попасть в такт, заданный её партнёром, Гариком, чувствуя себя неуклюжей цаплей рядом с ним. Мало того, что Игорь ростом не удался, так ещё и медведь ему на ухо наступил. Уж какая тут романтика! Девушка едва сдерживала смех. Но смеяться было нельзя. Неудобно обижать ребят.

– Тань, почему твои подводники все такие мелкие? – спросила Нина сонным голосом, лежа после романтического вечера в кровати.

Таня, закручивая перед зеркалом волосы на бигуди, не спеша ответила, фыркнув носом:

– А ты представляешь, что будет, если в подлодку влезет какая-нибудь оглобля¹¹?

– А что такое оглобля? – встряла в разговор Мила.

– Милка, твоим образованием я потом займусь, – пообещала Таня и продолжила:

¹¹ В упряжи: одна из двух круглых длинных жердей, укрепленных на передней оси повозки и соединяющихся с дугой. «Толковый словарь» Ожегова. Разг. – высокий, рослый человек.

– И что, на карачках там этому верзиле ползать? Он же башкой обшивку потолка, или как там у них это называется, разнесёт, будет зенками¹² лупать вместо перископа. Ладно, попрошу Василька, чтобы привёл кого-нибудь для тебя с другого факультета.

И Василек привёл. Такого красавца, что вся общага ахнула. Валера был божественно красив: античный профиль, фигура Атланта. Голова – мечта любого скульптора, роскошные тёмные, по уставу короткие кудри, а уж эти завитки на висках... Глубокие карие с поволокой глаза, заманчиво очерченный рот. Зачем природа так расщедрилась? Столько отдала одному-единственному?

Как оказалось, отдать-то отдала, только не всё. После симпатичного вечера с рекой вина и танцами Валера горячо шепнул Нине на ухо:

– Я остаюсь у тебя.

– Не поняла?

– Ты мне очень нравишься, я остаюсь.

– Оставайся. Видишь коврик у порога? Поместишься?

Курсант недоуменно округлил глаза: чтобы его отвергали?! Шутит, что ли, эта девчонка? Или цену набивает? Смеётся. Нет, что-то пошло не так. Ладно, никуда она не денется. Такая же, как все. Сначала ломаются, а потом бегают, как собачонки.

Но, видно, смелость Нины всё же произвела впечатление на Валеру. Через неделю он явился вновь:

– Выходи за меня. Я тебя люблю.

– Тебя что, совсем не интересует, люблю ли тебя я?

Курсант растерялся: такого с ним ещё не было. Эта пигалица его отшила? Ярость бросилась Валере в голову, он вылетел из комнаты, шибанув дверью так, что посыпалась штукатурка. Нина от страха аж присела. Вот это кавалер! С темпераментом.

И началась осада. Кавалер закусил удила и решил добиться своего во что бы то ни стало: не хватало, чтобы из-за какой-то девчонки над ним смеялось всё училище. Гордое курсантское прозвище «Валера бля***тый» ко многому обязывало. Вот только девчонка не сдавалась.

Валера уже битый час сидел с друзьями в комнате Глухаревой. Нина не появлялась.

– Где она?

Таня промолчала.

– Она что, прячется?

– А ты как думаешь? Что вы устроили здесь в прошлый раз?

– Ничего особенного. Ну, погорячились. А что мне оставалось делать? Пришел, как дурак, с цветами. А она – «нет». Вышел в коридор, а тут студент какой-то. Вежливо ведь попросил.

– Это называется «вежливо»? Я слышала! «Эй ты, пацан, иди сюда, дай закурить»!

– Он первый меня послал.

– И правильно сделал! Драться было зачем? Устроили тут ледовое побоище! Пол-общаги переколотили.

Валера потрогал большим пальцем передний зуб: вроде не качается.

– Что, швиштящий шломали, а кутний выбили? – насмешливо фыркнула Татьяна.

Курсант в ответ довольно улыбнулся: славная была потасовка. Память-то их, курсантов, конечно, помяли – всё же численный перевес – но не победили. Вот только где эта чертовка? В очередной раз уходит ни с чем?

Комната уже спала, когда Нина вернулась к себе.

– Нин, – прошептала Татьяна, – больше я не выдержу. Надо что-то делать. Валера такой злой уходил. В следующий раз опять ведь драку устроит.

¹² Разг. Зенки – глаза.

- Не устроит.
- Еще как устроит! Его имя идиот, его мама так зовёт. Хоть бы его сдуло, обалдуя.
- Ладно, перебесится, отстанет.

Глава 4

Татьяна никак не могла успокоиться:

– Чтoб я ещё пошла на психологию... Совсем уже сдурели со своим Фрейдом. «Анальная фаза развития...» Тьфу! Дрянь какая. Он же больной! А психоанализ! С психами-анализаторами.

– Ясно же, что тот, кто позволяет залезть к себе в нутро, становится управляемым, зависимым от своего эскулапа. Конечно, есть клятва Гиппократа «Не навреди», – между прочим, я долго путала Гиппократ с гиппопотамом, для меня это было одно и то же, – рассмеялась Таня. – Скажешь, они же специалисты. Но если до сих пор неизвестны механизмы работы мозга, то кто возьмет на себя смелость сказать, что разбирается в механизме работы души? Вот и нечего там ковыряться кому попало и как попало.

– Удивляюсь твоей дремучести, – попыталась Нина защитить австрийца. – А как же быть с душевнобольными? Не лечить?

– Так же, как всегда. Изолировать. Их никогда не лечили и не лечат. Не умеют. А может, и вылечить невозможно. Так Фрейд ведь со своим психоанализом достает всех! В том числе и здоровых! Попробовал бы такой эскулап залезть ко мне в душу и расщепить или хотя бы пощипать ядро моей личности – так бы огрела, мало не показалось бы! Подумаешь, депрессия! Пахать надо! И депрессий не будет.

– Психоаналитики помогают людям разобраться в себе. И не стыдиться своих темных сторон.

– Да, помогают. Окончательно сойти с ума. Оказывается, если ты негодяй, то виноват не ты, а комплексы. Детские обиды и переживания. Бред сивой кобылы!

– А мне интересно.

– Нинка, глуши мотор. И не лезь в эти дебри. Там тебе точно делать нечего.

– Как же у Тани всё легко и просто, – с унынием подумала Нина. – А вот она совсем запуталась. Три года – одно и то же. Как же ей надоело быть «своим парнем» и «доброй девочкой»? Не добрая Нина Глухарева, нет! Просто глупая. Напридумывала себе. Конечно, надо же было хоть как-то оправдать Андрея. Не до любви ему и серьёзных отношений – это ясно. Вечно на подработках пропадает, а потом спит на лекциях. Вот и решила подождать.

– *Чего ждать? Когда он по дешёвым девкам наматается?* – подняла все же злость голову.

– А что ты хотела от него? Андрей не монах. И то, что сейчас с ним происходит, естественно. Это физиология, госпожа биолог. В двадцать три года молодому человеку нужна женщина. Женщины. Причем без всяких обязательств. Звучит паршиво, но Это – просто гигиеническая процедура, не более. Но потом наступит время... Время настоящей любви.

– *Почему не сейчас? Неужели он не замечает, как ты расцветаешь при одном только его появлении? Что глаза твои всегда ищут Романовского, где б ты ни была?*

– Но что же делать! Им с Андреем ещё учиться и учиться. Семью они не потянут – отдельное жильё и прочее. Поэтому Андрюша так сдержан! Только поэтому!

Глава 5

Был день как день. Нина с Андреем возвращались после лекций в общежитие, торопились в столовую, до закрытия которой оставалось тридцать минут. И тут навстречу им из-за угла выпорхнула стайка первокурсниц. Девчонки, видно, решили по городу прогуляться, полюбоваться красотами Ленинграда.

Ради выхода в свет вновь испечённые студентки изрядно потрудились: завили в локоны волосы, подкрасили глаза. Нарядные платья и туфли на каблуках подтверждали намерения девчонок покорить мир.

Нина невольно придержала шаг, любуясь вчерашними школьницами, ведь совсем недавно она сама была такой. Ещё по-детски округлые лица, жадно распахнутые глаза, милый девичий щебет, улыбки. Так улыбаются в ожидании счастья, зорко вглядываясь, оглядываясь по сторонам: ты моё счастье? или ты? а может, он?

Взор Нины остановился на одной из девушек. Высокая, тоненькая, в легких туфлях на плоской подошве, она шла, как будто не касаясь земли. Летящая походка в туфлях без каблуков дана немногим, очень немногим. Глухарёва знала это. А каблуки для того и придумали, чтобы отрывать юных и не очень юных особ от поверхности, заставляя их вытягиваться ввысь и парить – ведь женская плоть, женская натура тянет к чреву матушки-земли.

Но удивительной в этой девушке была не только походка. Светлая лавина волос, синие глаза, чуть вздернутый нос, так счастливо нарушающий безупречность красивого лица, яркий рот при полном отсутствии косметики создавали впечатление необыкновенно притягательной свежести и чистоты. Юная пастушка! Её бы на луг, венок из цветов на голову.

Нина оторвала глаза от пастушки, повернула голову к Андрею и оторопела: как Романовский смотрел на эту девушку! Никогда и ни на кого он так не смотрел! У Нины сжалось сердце, ревность больно хлестнула её, уцепилась за горло, перекрыла дыхание. Кровь пульсировала в висках, жаром заливала щёки: как он смеет?! Зачем ему глупая наивная девчонка? Она ведь ещё ребенок!

* * *

Андрей с трудом пришёл в себя. Вот это зигзаг! Циник и ходок Романовский ослеплён вчерашней школьницей? И что в ней особенного? Свеженькая – да, хорошенькая – да, пожалуй, даже красивая. Её и курносый нос не портит, наоборот, придает лицу девчонки особую прелесть и оригинальность.

Но... почему Андрею показалось, что он давно знает эту симпатичную девчушку? Её изгиб бровей, милую манеру морщить в улыбке губы, как будто владелица их смущается и осторожничает – чтоб не растянуть рот до ушей и не расхохотаться во всё горло, как во вчерашнем беззаботном и безоглядном детстве. И почему он так долго не мог оторвать от юной незнакомки глаз? Наверное, так же грезивший о далёком прекрасном крае путешественник с восторгом разглядывает волшебный город: грёзы оказались бледнее действительности!

– Так что, Романыч, ты тоже мечтаешь об Ассоль? – усмехнулся Андрей.

– *А кто не мечтает?*

– Дела... А она точно Ассоль?

– *Не сомневайся.*

– Откуда ты это знаешь? И когда успел?

– *Достаточно одного взгляда, чтобы это понять.*

Вот только не готов был Андрей к этому зигзагу. Учиться ещё два года. Серьёзные ухаживания не входили в его планы. Не мог пока он себе это позволить. Дома, в Североуральске,

больная мама и сестра-школьница. У Андрея каждая копейка на счету. Спасибо Нине, вытягивает его сессия за сессией, если бы не её помощь, не видать Романовскому стипендии, как своих ушей. А так – степуры¹³ ему вполне хватает, а заработанные деньги можно отправлять маме.

Но сердце Андрея не хотело слышать никаких доводов. Он должен видеть её, ощущать запах волос, чувствовать вкус губ... Сейчас, немедленно и всегда! Каждый день, каждый миг! Эта девушка создана для него, и больше ему никто не нужен!

...Как же долго он шёл к любви! Хотел её, ждал. Ведь были девчонки, к которым он тянулся. Но – не время, нужно подождать. Вот отслужит в армии, окончит институт... Какая любовь, когда за душой ни гроша! Не на что девчонку в кино пригласить. Три года в одних и тех же брюках, ботинках. Да ничего ещё ботинки, лишь бы не развалились.

– Так ты решил появиться перед Ассоль нищим оборванцем? Не испугаешь?

* * *

Нина с трудом узнала Андрея. Как же он изменился! Перед ней был другой человек, красивый и совсем чужой. И денег ведь где-то достал на вельветовый пиджак, песочного цвета брюки и в тон им туфли.

Хотя деньги понятно откуда: в стройотряде заработал. Но ведь он должен был жить на них весь учебный год... Подстригся, побрился. Незнакомец. Исчез раздолбаистый и охломонистый Андрюша, небрежно одетый и редко бритый. Но тот был родной, а этот... Холодный, отстраненный. Что, все валентные связи оказались заняты?

На лекции Андрей, как всегда, сидел с Ниной, но его не было рядом. Смотрит куда-то перед собой, и вдруг глаза оживают таким светом... И весь он начинает лучиться. Лицо становится мягким, губы невольно улыбаются. Проклятая девчонка! Что она с ним сделала! Заглотила этого влюбленного болвана вместе с ботинками. И пиджаком.

– А, сколько уже было таких Стелл, – постаралась успокоить себя Нина. – И эта исчезнет, как и другие Андрюшины мимолетные «любви».

Конечно, она чувствовала, что на этот раз всё намного серьезнее. С его стороны. А Стелла... Ей всё весело и смешно. Очаровательное дитя. Нина хорошо знакома с таким типом девиц. Приличная девушка из хорошей семьи, обречённая на счастье, и внимание воспринимает как должное.

Так обычно ведут себя те, кого обожают близкие. Заласканные, избалованные и непуганные, они позволяют себя любить, а вот сами-то любить умеют? Большой вопрос. Только кавалеры такими вопросами не задаются. Прутся напролом и в остервенении стучат рогами, олени.

Судя по всему, Андрюша тоже готов вступить в схватку за олениху. Хорошо бы, чтоб ему там обломали рога. И намяли бока. Может, образумится, поймет, что Стелла пассивна, как всякая добыча. Пресная и неинтересная.

И ведь никому не указывает на дверь: хорошо воспитанная девочка не может никого обидеть. Сегодня согласна идти в кино с Сашей, завтра с Димой. Интересно, Романовский тоже ждёт своей очереди? Идиот.

Как же мужики глупеют, когда влюбляются! Конкуренты лишь подстёгивают интерес и теребят ретивое: ты ж победитель! лучший! она должна быть твоей! И долго у Андрея это будет продолжаться? С его опытом – не понять, что к чему? Что в одночасье придёт какой-нибудь, предложит девчонке всё и сразу и увезёт в счастливую жизнь – в ту жизнь, к которой она привыкла.

¹³ Разг. Здесь – стипендии.

Мужчины – тщеславный народ. Каждый из них влюбляется и добивается именно той девушки, которая, по мнению кавалера, чем-то лучше других девчонок. Чтобы все друзья-приятели обзавидовались. Мужчине нужно восхищаться своей избранницей: ах, она балерина! Или – ах, она музыкантша! У сильной половины не бывает так, как у дам: «она его за муки полюбила». Молодой человек никогда не полюбит серенькую неудачницу. Они такие, мужчины.

А вот Стелле достаточно быть просто Стеллой, пастушкой, чтоб за ней гонялись все кому не лень. Как же глупо устроена жизнь. Да пусть гоняется, кто хочет! Только чтоб не Романовский.

* * *

Ко всему была готова Глухарева, только не к этому. Они с Татьяной вышли из кинотеатра и на углу столкнулись с Романовским и Стеллой. Каким счастливым выглядел Андрей! Как нежно и бережно он держал за руку свою спутницу, как восторженно глядел на неё... Сердце Нины дрогнуло и упало во тьму – во тьму злобы и отчаяния.

– Нин, ты что? – испугалась Таня. – У тебя сейчас такое лицо было... Помнишь, ходили на спектакль «Медёя»¹⁴? Так ты была прямо как Медёя, когда узнала, что Ясон женится. А что это за бледная немочь? Ты её знаешь? Откуда вылетела эта моль?

Горячим толкнуло в сердце Нины: «Милая Танька! Верная подружка! Готова покривить душой, лишь бы её поддержать. Но все зря. Битва проиграна».

Только дома, в общегитии, Нина дала волю своим чувствам.

– Ну, хватит уже, не смотри на меня, как больная собака! Не стоит этот засранец таких мук! – рассердилась Таня.

– А кто стоит?

– Никто не стоит! Пусть они рыдают!

– Тебе хорошо говорить, у тебя Василий.

– Удивляюсь. Как ты терпела... Три года.

– А что мне оставалось делать? Вешаться ему на шею, как дешевые девки? И потом делать вид, что ничего не произошло? А по ночам выть в подушку? Я хотела, чтоб он меня любил! Как ты не понимаешь! Ждала. Дешёвых девок в расчёт не принимала. Это гормоны. Как у вас в деревне говорят? «Играй, гармонь?» Играй, гормон. Да, он мне никогда ничего не обещал, даже намёка не было, мы просто дружили. Но я же ему нравилась! Я видела, чувствовала это. Андрею приятно было наблюдать, как на нас все смотрели. Ему льстило внимание мужчин ко мне, их зависть.

– Еще бы! Такую девку урвал! Ну, и скотина же он! Собака на сене. Ты говоришь – ничего не обещал? Но ведь и не подпускал к тебе никого! Три года топтался рядом, глазки пучил, бычок, чтоб ему пусто было!

Нина попыталась рассмеяться:

– Ты уж определись, кто он: бычок, собака или просто скотина.

– Скот! – рявкнула Таня в её опрокинутое болью лицо. – Он же намеренно держал тебя при себе! Потому что выгодно было. Если б я только знала, что этим всё закончится...

– И что бы ты сделала?

– Ошпарила бы пару раз кипятком, чтоб облез и неровно оброс да заодно дорогу в нашу комнату забыл.

Нина усмехнулась:

– Членовредительство карается законом.

¹⁴ «Медёя» (греч. Μήδεια) – трагедия древнегреческого драматурга Еврипида.

– Жаль, что душевредительство не карается этим законом. А Андрюху есть за что наказывать. Какой негодяй! – не могла успокоиться Таня. – Но если рассудить здраво, и хорошо, что так получилось. Или тебе не терпелось откусить с ним солёной краюхи? Вот только вместо соли в той краюхе была бы твоя слеза горячая. Все, складывай свои шикарные брови на подушку! Спи!

* * *

Андрей уже второй час сидел в комнате Стеллы, ждал. Она опять забыла о назначенной встрече, гуляет с подружкой по магазинам. Что с неё взять – ребенок ещё совсем. Ребенок-то ребенок, но с характером. Сразу дала понять, что приехала в Ленинград учиться, а не амурсы крутить. Даже поцеловать не позволяет. Что ж, он потерпит. Хотя поделаться с собой ничего не может, его постоянно тянет к ней, на второй этаж. Ему и нужно всего ничего – просто видеть Ассоль.

Начиналось всё хорошо. Хотя... всего три свидания. А всё остальное время просидел в комнате Стеллы, стараясь понравиться её подружкам – в надежде, что замолвят за него словечко.

Первокурсницы сначала офигели – такой мэн подвалил, но быстро смягчили: Романовский на всё готов ради Стеллы, вот пусть и впускает. В три утра встретить Сашу, подружку Ассоль, на вокзале? – Нет проблем. Сгонять ночью в дежурный магазин – девочки проголодались – ноль проблем. Принести-отнести, встретить-проводить, починить. Что ещё? Девчонки Романыча уже обожали, вот только Стелле его подвиги были по барабану.

Время шло, Андрей мрачнел. Наконец, Стелла появилась, с «подружкой» – с не известным Романовскому парнем.

– Знакомьтесь, мой одноклассник Виктор, – жизнерадостно сказала Ассоль. – У нас билеты в БДТ¹⁵! Идём на Татьяну Доронину!

Да, Андрюха, тебе указали на дверь. Зря старался. Не оценила. Не поняла.

* * *

Романовский опустился рядом с Глухаревой:

– Привет! Что у нас первой парой?

– Привет. Семинар.

– А эта что так сияет? – покосился Андрей на Нину. – Чему радуется? Узнала о его размолвке с Ассоль?

Уж от кого-кого, а от Глухарёвой он такого не ожидал. Друзья всё-таки. А тут – откровенное злорадство. Или девчонки все одинаковые? Любят создавать себе свиту из друзей-вздыхателей, нужен-не нужен – пусть будет. На всякий случай. А как только кто-то отколется – ревность: как он посмел! Глухарёва тоже такая? Да нет, на безмозглую кокетку она не похожа. Значит, он до сих пор ей не безразличен? А ведь казалось, что всё в прошлом. Да и кем нужно быть, чтобы три года на что-то надеяться.

Он-то думал, что эта дурь у Нины прошла. Неужели нет? С её умом не понять, что если парень не захмелел от девчонки сразу, то не захмелеет никогда. А, кто их поймет. Но Нинка классная и по-своему дорога ему. Такого друга, настоящего друга, и среди парней не часто встретишь. А все остальное перемелется.

¹⁵ Большой Драматический Театр

Глава 6

Долго же до неё доходило. Дошло наконец: Андрей потерян. Бесповоротно. Безнадежно. Это следует принять и жить дальше. Говорят, чтобы кого-то разлюбить, нужно найти в нём недостатки и замечать только их. Нина честно пыталась это делать. Искать недостатки у Романовского? Что тут искать, она по пальцам может пересчитать.

Радует то, что пяти пальцев хватит, чтоб их перечислить: самовлюбленный эгоист, потаскун, не очень способный к наукам... Что еще? – Какая разница, если Нине плевать на эти недостатки, даже пороки! Потому что она полюбила Андрея всего и разом!

Началась «высокая болезнь» под названием преодоление любви после того, как исчез Романовский. Исчез из её жизни. Произошло это не сразу. Андрей то уходил, то возвращался. Нина старательно делала вид, что ничего не изменилось, чтобы не отвечать на глупые вопросы однокурсников. Только от Тани ничего не скроешь.

– И где он гарцует, наш казак уральский, яицкий¹⁶? Опять за Стеллой гоняется? Ну-ну. Не переживай, там ему ничего не обломится. Приползет как миленький.

Через месяц Андрей подошел к Нине, как ни в чем не бывало.

– Нин, я тут подзапустил всё, выручишь?

– Романовский, у тебя совесть есть? – наехала на него Татьяна. – Выкручивайся сам!

– Нет-нет, Таня, успокойся, помогу, конечно. Заходи.

– Вы посмотрите на него! – бушевала Таня. – Явился – не запылится. Спасите, помогите! Сума перемётная!¹⁷ То туда, то сюда. Нинка, сколько можно! Гони ты его, больше ценить будет.

– Разве ты не видишь, что ему плохо? – урезонила Нина подругу. – Он же на себя не похож.

– И пусть! Так ему и надо! Молодец Стелла! Гони, говорю, гони!

– Он же вылетит из университета.

– Отлично! Туда ему и дорога, перестанет хоть твою кровь пить.

Но Глухарева ничего не слышала: Андрей снова с ней! А потом он... просто стал проходить мимо, как будто они не знакомы. Тот, кто не нужен, становится прозрачным? Что это?! Нина была потрясена: как так можно? После стольких лет... Она Романовскому больше не нужна? Таня была права? Андрей её просто использовал? Как же больно...

Нина чувствовала себя поверженной, раздавленной. Какая же она глупая... Разве можно было вот так ронять себя... Всё прощать, на всё закрывать глаза и верить, верить, верить, что он придёт к ней – раз и навсегда.

При одних только воспоминаниях о бесконечном унижении жар заливал лицо, ярость тяжело давила грудь. Как она могла так низко пасть! Он предпочел ей какую-то глупую девчонку! Чем Стелла лучше неё? – Да ничем! Почему тогда, почему? Почему так несправедливо устроена жизнь?

Ведь в основе любви что? – Элементарная иллюзия, обман! Кому-то лучше, кому-то хуже удастся создать вокруг себя сияющий ореол привлекательности, который тянет магнитом бабочек на огонь. Разобраться вот только – что там, за ореолом – бывает трудно. Пока крылья не спалишь и не обожжёшься. И что, ждать, когда окончательно сгорит душа? Нет! Все! Хватит. Надо забыть Романовского. Древние говорили *Clavus clavo pellitus*.¹⁸ Только найдется ли такой клин? Который смог бы вышибить Андрея.

¹⁶ Яик – старинное название реки Урал.

¹⁷ Сума переметная – сдвоенная сумка, поклажа для лошади, осла. Эти сумки, сшитые между собой, можно было перекидывать через круп животного то так, то эдак. Переносное значение: о беспринципном человеке, готовом переметнуться то туда, то сюда.

¹⁸ *Clavus clavo pellitus* – клин клином вышибается. (лат.)

* * *

С Вадимом Нина познакомилась в кинотеатре. Таня с Ниной припозднились, уже шёл киножурнал, когда девчонки вошли в зал. С трудом в темноте нашли свой ряд, но их места оказались заняты двумя курсантами. Таня попыталась навести порядок, но молодые люди предъявили билеты – тот же ряд и те же места.

– Девчонки, садитесь на колени! – пошутил один из курсантов.

Таня взяла подругу за руку:

– Пошли. Не видишь, какие тут жлобы. Нет чтобы уступить девушкам. Еще зубы скалят.

Подружки уселись на свободные места, но спокойно посмотреть фильм им не дали: рядом плюхнулись те самые молодые люди:

– Девочки, не сердитесь!

– Очень нужно, – проворчала Таня.

– Мы вообще-то пришли кино смотреть, – поддержала её Нина: вояки такие привязчивые, вырвутся из казармы, им бы хоть кого зацепить.

– Всё! Умолкли! Как рыба в пирожке! – успокоил их один из парней.

Таня прыснула: шутка пришлась по вкусу. А Нина размышляла, как избавиться от назойливых кавалеров. Осторожно скосила глаза на сидящего рядом курсанта. Четыре шпалы – четвёртый курс – значит, по возрасту ровесники – чёткий профиль, спортивная фигура, приличный рост. Красавчик. Наверняка глуп и избалован, как все красавцы.

Курсанты оказались не моряками, а медиками, слушателями военно-медицинской академии – об этом говорили эмблемы со змеей на кителях. Вели они себя на удивление прилично, не заигрывали и не приставали, не мешали смотреть фильм.

Киносеанс закончился, в зале загорелся свет, и Нина встретила глазами с соседом. Он легко улыбнулся и представился:

– Вадим.

– Нина.

– А это мой друг Константин, – назвал новый знакомый приятеля, в котором Нина узнала южанина – по орлиному носу на узком лице, смуглой коже, тёмным волосам и пластичным, мягким движениям; мужчины-северяне двигаются совсем по-другому, нет у них такой живости в членах, как у южан.

– Таня, – пришлось представиться и Татьяне.

Вадим понравился Нине. Чистый, открытый взгляд, отсутствие суетности и стремления покорять невольно располагали к себе. Девушка безошибочно угадала, что перед ней тот довольно редкий мужской экземпляр, которому от природы даны надежность и основательность.

– Девочки, вы не торопитесь? Может, посидим в кафе?

– Давайте! – не раздумывая, согласилась Нина.

Таня посмотрела на неё с удивлением: что это с подругой? То от всех скрывается, из комнаты не вытащишь, а то готова с первыми встречными идти куда ни попадя.

– Только недолго, нам еще к семинару готовиться надо, – на всякий случай предупредила Татьяна.

Но Нина её уже не слышала: взяв под руку Вадима, бодро зашагала с ним к выходу. Вот теперь она всё наверстает! Будет болтать, кокетничать, смеяться... Как все остальные девчонки. Хватит сидеть и чего-то ждать! Но прежде нужно узнать о Вадиме побольше.

– Так вы военврачами будете? И кем именно? – приступила Нина к расспросам.

– Я – хирургом, а Костя терапевтом, – охотно ответил курсант.

– Я тоже сначала хотела пойти в медицинский. Мы с Танюшей в университете на хим-биофаке учимся.

– Так у нас много общего! Биология – раз, а фармакология – это ж химия на химии! Пришлось из-за нее, этой химии, попотеть на первых курсах.

– А мы до сих пор потеем, – рассмеялась Нина.

Девчонки остались довольны вечером. Чутье не подвело Нину: Вадим с Константином совсем не были похожи на пошлых прилипчивых субъектов с сальными взглядами и паскудными ухмылками. Впервые за долгие месяцы девушка чувствовала себя легко и свободно. Оказывается, как хорошо просто жить! Ни о чем не думать, не мучиться, вот так вот запросто болтать с симпатичными курсантами, флиртовать, кокетничать и не бояться, что твой веселый смех могут растолковать как призыв к близкому, слишком близкому знакомству.

Вадим старательно развлекал Нину, не обращая внимания на заскучавших Костю и Таню. Время пролетело незаметно, и если бы ребятам не нужно было к десяти часам вернуться в казарму, вряд ли бы подружки так быстро расстались с новыми знакомыми.

– Ну, ты даешь, подруга! Молоток! Такого парня закадрила! Наконец-то! А я уж боялась, что ты вечно по Романовскому слёзы лить будешь, – сказала Таня и осеклась, увидев выражение лица Нины: в глазах подруги была такая тоска...

– Вот не вовремя этого проходимца вспомнила... Ничего, забудешь! Дай только срок. С таким, как Вадим, любого можно забыть.

* * *

Но с Вадимом дальше приятельских отношений дело так и не пошло. Славный малый Вадик – добрый, умный, внимательный. Очень удобный. Но почему же у Глухарёвой разочарованно гасли глаза, когда после решительного мужского стука в дверь на пороге комнаты появлялся Вадим Родионов? В воздухе как будто повисал немой вопрос:

– Это ты? Замечательно. А где же он?

По поводу Вадика девушка тоже не заблуждалась: ни о каких горячих чувствах с его стороны и речи не могло быть. Тогда что?

Однажды Нина всё же спросила:

– Вадь, скажи честно, зачем ты приходишь? Чтобы показать Ленинград? Так мы с тобой уже почти всё обошли – парки, дворцы, музеи. Что дальше?

Вадим озадаченно посмотрел на девушку:

– Тебе со мной неинтересно?

– Интересно! Очень интересно! Но зачем тебе это нужно? Ведь... ты ж в меня не влюблен?

Вот так вот, в лоб... Молодой человек покраснел, смешался:

– Я тебя обидел?

– Чем? Тем, что не влюблен?

– Прости. Мне так хорошо с тобой.

– Ладно. Давай рассказывай.

– Да рассказывать нечего. Была у меня любовь, – Вадим заметно волновался, тщательно выбирал слова. – С седьмого класса. Соседка по даче. Смешная девчонка. Отчаянная. Гоняли с ней на велосипедах, купались в речке. Даже родители звали нас в шутку женихом и невестой.

Однажды я приехал на дачу с приятелем, Денисом. Умный парень, лучший математик в классе, стихи писал. До этого тихий такой был мальчонка, даже робкий. Я, как мог, поддерживал его, нахваливал своим друзьям. И, ты не поверишь, в один прекрасный момент я его просто не узнал – так он раздулся от своей значимости.

И теперь уже я оказался на вторых ролях, он не просто задвинул меня в угол, а к плинтусу пришил. Хм... Как говорится, наше вам восхищение – восхищение глупостью. Да, я был так глуп, что познакомил его с Наташей. И Денис рассказал ей, кривляясь и глумясь, – смешно же! – о том, что я доверил ему как тайну, – о моих детских ночных страхах. Очевидно, Наташе этого оказалось достаточно, чтобы разочароваться во мне: девчонки не любят жалких и слабых. И прежних отношений с Наташей я так и не смог вернуть. Два года назад она вышла замуж за дипломата и уехала с ним в Прагу.

Вот оно что! – невесело про себя рассмеялась Нина. – Вадик тоже решил найти «клин»! Нинка, ты клин. Бревно. Впрочем, как и Вадим для неё. Только если бревном долбануть в душу, что получится? Пробоина. Дыра. Вакуум. Космическая пустота с космической тоской. Может, вдвоём у разбитого корыта им будет легче? Веселее? Ха-ха.

Глава 7

Лицо Андрея исказила гримаса боли. Это сколько ж он вчера выпил? Голова раскалывается. Значит, немало. И проспал немало. Время? Два? Три? Нужно что-то сделать, иначе мозги взорвутся.

– Андрюха, ты как? – выглянул однокурсник Семен из открытой настежь соседней комнаты, наблюдая, как Романовский расслабленной походкой топает в умывальник.

– Нормально.

– Дали мы вчера гари. А ты куда слинял? Что-то я ни тебя, ни Глухарёвой не видел на теплоходе.

И правда, куда он вчера пропал? Романовского бросило в жар: вспомнил! И чуть вслух не застонал: Ассоль, как ты могла! Так поступить – это уж совсем быть без сердца. А он – дурак наивный – пригласил её на свой выпускной, хотел поговорить, объясниться. Хотя... сколько уже было таких объяснений?

Стелла два года его, как пацана, мурыжила, то принимала ухаживания, то отворачивалась. Потом опять меняла гнев на милость. И он всё терпел! Пусть так, за ручку, по-пионерски, лишь бы быть с нею рядом! Надеялся, что Ассоль привыкнет к нему, повзрослеет, в конце концов. Идиот. Как будто не понимал, что ни мытьем, ни катаньем такую девчонку не возьмёшь. А девочка повзрослела. И до любви доросла.

Дождалась Ассоль своего капитана Грея. Как Стелла смотрела на этого проклятого Алексея, с которым явилась на выпускной к Андрею! Да он бы полжизни отдал за один такой взгляд! Глупый всё же народ – женщины! Неужели трудно понять, что так любить, как он, никто не сможет! Ведь они, Андрей и Стелла, созданы друг для друга, как Адам и Ева! Две половинки одного-единственного счастья. Которого уже не будет.

Теперь он всё вспомнил. Надо же, столько неприятностей и огорчений за один вечер и одну ночь. Сначала Стелла с Греем-Алексеем омрачили ему праздник, потом он сам... Да, Романыч, в клетке тебя нужно держать, чтоб хорошим людям жизнь не портил.

* * *

В общежитии на их этаже было непривычно тихо: многие студенты уже сдали сессию и разъехались, а пятикурсники – уже бывшие – отсыпались после бурного выпускного. В коридоре ещё стоял запах радости и веселья. Пять трудных лет позади, а сейчас – краткий миг лёгкости и беззаботного полёта. Почему не полетать, пока не навалились очередные жизненные задачи и проблемы.

Глухарёва в комнате была одна: Татьяна, не дожидаясь выпускного, получила диплом и улетела к мужу Василию на Камчатку, Мила осталась ночевать у подружки в городе.

Нина сладко потянулась в кровати, закрытыми веками ощущая тёплый, ласковый поцелуй летнего солнца. Губы девушки поплыли в безудержной улыбке: как же хорошо жить! Любить! И быть любимой! Андрей! Мой Андрей!

В голове её царил невесомая пустота, не хотелось ни о чем думать; так бы лежать вечно, растворяясь в солнечных лучах и в том счастье, что принесла прошедшая ночь. Нина помнила каждую минуту, каждую секунду этой ночи, но только до определенного момента. А потом – как взрыв, беспмятство, нереальность, как будто всё происходило не с ней. Дрожь, порыв, страх, стыд и жгучее желание, чтобы Это наконец свершилось.

Свершилось! Жар его страсти, познание тела – такого знакомого и совершенно неведомого ей. Первый опыт любви... Он и Она. Вечное таинство и блаженство. И ничего постыдного и запретного. Бесконечная нежность и доверие.

– Но если Андрей пошел на близость, значит, он всё понял! Он мой! И где же ты, мое счастье? Спишь? Спи, любимый, я подожду.

Ждать пришлось долго. Нина боялась разминуться с Андреем и потому весь день провела в комнате. А потом вечер. Андрюши не было.

– Ничего, – успокаивала себя Нина. – Видно, переживает, думает, что дальше им делать.

А подумать было о чём. Сначала, конечно, подадут заявление в ЗАГС. Съездят к Андрею в Североуральск, потом к родителям Нины, в Севастополь. Вот только с работой... Нину ждут на родном факультете в университете, а Андрей? Согласится ли он пойти на кафедру лаборантом? Десяносто рублей в месяц зарплаты и неясное будущее. Комнату в общежитии им дадут. А, зачем сейчас голову ломать над этим? Главное, они вместе!

* * *

– У-у-у... Что же я натворил?! Это ж надо было так вляпаться. Нина... Что она о нём теперь подумает? Козёл же ты, Андрюха. Такую девчонку... Зачем?! Допился. Такого друга, как Нина, у него никогда не было. И не будет. Какая ж ты скотина, Романовский! А если она что-нибудь себе нафантазирует?

– До сих пор ведь не фантазировала. Нет, Нина умная. Поймёт правильно. Напился, не сдержался. Не дети уже.

– Умеешь ты всё испоганить.

– Да ладно, подумаешь.

– Тогда не будь окончательно идиотом, пойдёшь объяснишься, извинишься.

– Извиняться? Вот это стопроцентный идиотизм.

– И что теперь, будешь шкериться от нее?

– Поменяю билет и уеду утром.

– Не простившись?

– Так лучше. А потом всё забудется. Да, Андрюха, беги – без оглядки, так, чтобы даже зубы вспотели.

* * *

Нина провела беспокойную ночь – в грёзах, страхе и надежде. Что решил Андрей? Заснула девушка уже на рассвете. Первая мысль при пробуждении была: проспала! Наверняка Андрей уже приходил, а дверь закрыта, не захотел будить. В тревоге и ожидании Нина провела ещё несколько часов. Романовский не появился. Не выдержала, пошла к нему сама. Комната была закрыта.

– Ты Романыча ищешь? – спросила Света, знакомая Нине девчонка. – Так он уехал. Утром проводили.

– Домой?

– Нет, в Москву.

– Как в Москву?

– Ты что, не знала? Романычу вызов пришёл из министерства обороны.

Нина опешила:

– Какой ещё вызов?

– Какой-какой. В армию он пошел! Ладно, некогда мне тут с тобой ласы точить.

И Света застучала каблуками по лестнице.

Ноги Нины налились свинцом, потом вдруг стали ватными, девушка почувствовала, что вот-вот упадет. Оперлась рукой о стену. В голове была только одна мысль: неужели такое возможно? Нина не могла поверить в услышанное. Ещё раз тронула ручку двери: заперто.

– Нин, – услышала она за спиной голос Дмитрия, соседа Романовского по комнате, – ты где блукаешь? Мы вот Андрюху на вокзал проводили.

– Уехал? – с трудом смогла спросить Нина.

– Ага, всё же решил в химвойска податься. А что, нормально: лейтенантские погоны, жильё, приличная зарплата, отпуск шестьдесят пять суток, бесплатный проезд. Лафа!

– Да, лафа, – согласилась Нина с Дмитрием и побрела к себе.

Легла на кровать лицом к стене, закрыла глаза. Вот бы сейчас умереть! Чтобы всё кончилось – раз и навсегда.

– Ты что, сдурела?!

– Сдурела! Давным-давно! Не хочу больше жить в таких мучениях! Не хочу-у-у...

Нина затряслась в рыданиях. Как хорошо, что она ещё может плакать!

– Андрей! Андрей! Андрюша... милый, любимый... я не могу без тебя, не смогу! – сквозь слёзы то шептала, то почти кричала она, в ярости стучала кулаками в стену.

– Как ты мог! Как ты посмел! У-у-у...

Отчаяние то накатывало на девушку, накрывая с головой и доводя до иступления, то отступало, совершенно её обессилив. Слёз уже не было. Глядя сухими глазами в темноту, Нина в полубреду шептала потрескавшимися губами:

– Как мне жить? Без тебя... Ведь расставанье – почти смерть. Потому что без тебя всё теряет смысл! И меня... меня просто нет. Есть жалкое, скорченное болью существо. Может быть, боль пройдёт? Время лечит. Но как... невыносимо трудно... преодолеть...

– Преодолей!

– Не могу... не сейчас.

Из глаз девушки опять полились спасительные слёзы. Постепенно всхлипывания становились всё реже, потом стихли. Мертвая пустота, глухая тишина опустились на Нину. Плотный, душливый туман забвения придавил её, лишил мыслей и воли. Девушка уснула.

Утро наступило тихое, серое и тягостное. Нина глянула на себя в зеркало: это унылое лицо, неповоротливое тело, всё плоское, неинтересное. Отвергнутое! Как хорошо было бы, если б можно было отключить память! Всё, что с таким радостным упоением она накануне вспоминала и вновь переживала – каждый поцелуй, нежные прикосновения, объятия, – причиняло теперь невыносимые, почти физические страдания.

Но нужно было как-то продолжать жить. Дел достаточно: оформиться на работу в университет, пройти медкомиссию. На это уйдет две-три недели, а потом – домой! К маме! Мапочка, милая, помоги мне справиться с этим несчастьем! Помоги! А пока... Нечего раскисать. Сама во всем виновата. Нафантазировала.

Как же это страшно – нелюбовь. Только сейчас Нина поняла, что всё кончено. Бесповоротно. Раньше, несмотря ни на что, она всё же надеялась: пройдет у Андрея и это увлечение, Андрюша вернется к ней. Увидит, оценит, полюбит. Не может не полюбить! Ну, не слепой же он! Ждала, верила. Да и он был рядом! Вот эта иллюзия – его близости – и подвела Нину. Не рядом он был! И совсем не близко! И так было всегда. С первого дня.

Проклятый первый день! Ну, почему Господь не ослепил Андрея в тот миг любовью? К ней, Нине Глухаревой. Чем она Его прогневила? И чем лучше эта Стелла? Да ничем! Ни умом, ни красотой. Но той – всё, а ей – ничего! Да Нине хватило бы и десятой доли чувств, которые испытывает Романовский к счастливой сопернице. Лишь бы это была любовь!

Любовь... Слово-то какое. В нём так много, и в то же время оно какое-то размытое, бесформенное. Все его произносят. Кто правду говорит, кто немного врёт и любит немного, а кто совсем врёт. А любовь – это ты, только ты, всегда ты. И там, где ты, – свет и радость. Любовь – это знать, что я для тебя – есть! Я – в твоих глазах, твоих нежных руках, в твоём сердце. Вот что ей нужно было! А не ненавистная постылая «дружба».

Как Нине порой хотелось прижаться к Андрею, почувствовать его тепло... Погладить по непокорным волосам на макушке, поцеловать в нос, когда Андрюша, задумавшись, по милой привычке скашивает на него глаза. Но даже такие мелкие, очаровательные глупости и шалости были ей запрещены. Чтобы не испугать любимого и не оттолкнуть. Терпи, Ниночка, терпи.

Дотерпелась. Сбежал. Трус. Негодяй.

Да и не сошелся же свет на Романовском клином! У неё вся жизнь впереди. Нашла из-за кого переживать. Обычный потаскун, каких много. Может, и хорошо, что сбежал? Если здраво рассудить? Какой из него муж! Ветер в кулаке не удержать. Вряд ли она стала бы терпеть его измены. Рано или поздно всё равно бы ушла.

– Наплюй. Забудь. Что ни делается, всё к лучшему.

– К лучшему... Куда уж лучше. Нелюбимая. Брошенная. Даже если бы мы только неделю прожили вместе, я бы чувствовала себя любимой, желанной! И он был бы мой! Хоть неделю! Пусть моё счастье было бы недолгим, но оно было бы!

– А потом?

– Какая разница? Прежде нужно выпить чашу до дна, а затем разглагольствовать. Может, я сама бы в нём разочаровалась. Разлюбила. Но это была бы жизнь! Настоящая!

– А ты уверена, что любишь Андрея? Может, это уязвленное самолюбие? И ты оскорблена его равнодушием?

– Не знаю, любовь это или нет. Просто свет без него померк.

Серый тяжёлый город давил, душил Нину. Не смогла она его полюбить. Девушка с тоской вспоминала родной Севастополь, белоснежный и солнечный, безбрежье лазурного моря и огромное высоченное небо. А тут – хоть руками хватай, срывай, сдирай с плеч, с головы мрачные свинцовые облака, рви их в клочья и бросай в такую же серую Неву, чтобы потом взлететь, пробить эту хмарь, прорваться к солнцу и наконец-то вздохнуть полной грудью. Да, ей нужно всего ничего – кусочек синего неба и солнце, чтобы успокоиться и вновь обрести себя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.